

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ДЕЛО «ТОЛМАЧЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(жалоба № 42182/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 10 • Свобода выражения мнения • Неспособность внутригосударственных судов применить соответствующие стандарты Конвенции в двух судебных процессах по обвинению в клевете после публикации статей, написанных журналистом в местной газете, с критикой двух судей • Бездействие внутригосударственных судов в отношении рассмотрения определенных существенных элементов • Отсутствие тщательного рассмотрения выражения заявителем оценочных суждений, не поддающихся доказательству • Неспособность соблюсти баланс между рассматриваемыми конкурирующими интересами • Очень существенная сумма, присужденная истцам без обеспечения разумного соотношения пропорциональности нанесенному ущербу репутации • Соответствующие, но не достаточные основания • Неспособность продемонстрировать разумную связь пропорциональности вмешательства и преследуемой законной цели

Г. СТРАСБУРГ

2 июня 2020 года

Настоящее постановление вступило в силу 16 ноября 2020 г. в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке

По делу «Толмачев против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Пол Лемменс, *Председатель*,

Георгиос А. Сергидес,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Мария Элосеги,

Джильберто Феличи,

Эрик Веннерстрём, *судьи*,

и Милан Блашко, *Секретарь Секции*,

принимая во внимание:

жалобу против Российской Федерации, поданную в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином России Александром Михайловичем Толмачевым (далее — «Заявитель») 10 июня 2011 года;

решение уведомить Власти Российской Федерации (далее — «Власти») о жалобах в соответствии со статьями 6 и 10 Конвенции и объявить неприемлемой остальную часть жалобы;

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 12 мая 2020,

вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

В отношении заявителя, журналиста, были вынесены судебные решения по двум делам о клевете после публикации статей, написанных им в местной газете, в отношении двух судей районного суда в г. Ростове. По мнению заявителя, внутригосударственные суды, рассматривающие иски о клевете, не применяли стандарты Конвенции, касающиеся права на свободу выражения мнения.

ФАКТЫ

1. Заявитель родился в 1955 году. На момент рассматриваемых событий он проживал в г. Ростове-на-Дону. Интересы заявителя, которому была предоставлена правовая помощь, представлял Э. Марков — адвокат, допущенный к практике в Украине.

2. Интересы властей Российской Федерации представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Обстоятельства дела, в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть изложены следующим образом.

4. Заявитель является журналистом. В период рассматриваемых событий он был единственным собственником Информационно-правового Центра Александра Толмачева (далее — «ИПЦ»), юридического лица, отвечающего за издание газеты «Аргументы Недели Юг» (далее — «газета»).

I. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ О КЛЕВЕТЕ, ИНИЦИИРОВАННОЕ М.

5. 27 мая 2010 года газета опубликовала статью под названием «ЧП судейского масштаба». Эта статья была редакционной статьей, последовавшей за серией статей, в которых критиковались некоторые судьи в г. Ростове-на-Дону, в частности, М., председатель С. районного суда. В одной из предыдущих статей сообщалось об утверждениях о том, что М. захватила часть площади общего

пользования в многоквартирном доме в ущерб своим соседям. Статья от 27 мая 2010 года касалась слушания в суде по этому делу.

6. 22 июня 2010 года М. инициировала гражданское судебное разбирательство по делу о клевете в отношении заявителя, ИПЦ, газеты и другого юридического лица, участвующего в деятельности газеты. Она требовала опровержения следующих частей статьи:

«Многие пришли посмотреть, как эта беззаконница в мантии судьи может защитить свою подпорченную честь и достоинство с помощью своих коллег ...

Незаконная позиция М.

... Я хотел бы знать, как дело, рассматриваемое в 3. суде, связано с иском о клевете М., председателя С. районного суда, которая опозорилась перед всей страной. ... Настало время, чтобы М. умоляла ... жильцов многоквартирного дома [которых она ограбила] о прощении [и] извинилась за свои действия, однако она заняла «оскорбленную» позицию, получив поддержку только от других беззаконников, таких как она сама. После всего того, что было сделано судьями для дискредитации нашей газеты, я убежден, что такие люди как [имя отредактировано] и М. не должны наделяться судебными полномочиями. [Такие люди] используют [судебные полномочия] для своей личной выгоды и являются позором для российской судебной системы».

7. Впоследствии М. изменила свое исковое заявление, попросив объявить дискредитирующей следующую выдержку из другой статьи заявителя, озаглавленной «Московские «учителя» этики» и опубликованную в газете 15 июля 2010 года:

«Даже сам О. не мог сказать ничего существенного. Он ... покрывал председателя С. районного суда М., которая захватила площадь общего пользования в многоквартирном доме ...»

8. 4 октября 2010 года Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону (далее — «Районный суд») частично удовлетворил иск М. о клевете. Он обосновал это тем, что статья от 27 мая 2010 года содержала негативную информацию о М. как о физическом лице и как о должностном лице. Районный суд отклонил иск в части, касающейся фразы «незаконная позиция М.», которая была подзаголовком, и фразы «я убежден, что такие люди как ... и М. не должны наделяться судебными полномочиями», которая, по мнению районного суда, представляла собой оценочное суждение. Он описал остальную часть оспариваемых отрывков из статьи как утверждения о том, что М. вела себя незаконно и участвовала в аморальных действиях, то есть как изложение факта. Заявитель настаивал на том, что в статье содержалось его личное мнение относительно (i) М., которое было подтверждено официальным документом, свидетельствующим о том, что некоторые жильцы многоквартирного дома незаконно завладели частями площади общего пользования в здании, установив перегородки и (ii) Е., владельце квартиры в здании, который выступил в качестве свидетеля в районном суде для дачи показаний о том, что М. установила перегородку, перекрыв доступ других жителей к площади общего пользования. Районный суд в итоге отклонил довод заявителя о том, что эти утверждения представляли собой оценочные суждения, и отметил, что (i) в официальном документе, подтверждающем установку дополнительных перегородок, не названа М., и (ii) Е. не был надежным свидетелем, поскольку он ранее жаловался на М. Соответственно, суд установил, что ответчики не представили доказательств правдивости оспариваемых заявлений, и распорядился отозвать эти показания. Кроме того, он обязал заявителя и ИПЦ выплатить М. 500 000 российских рублей в качестве компенсации морального вреда, а также 7 500 рублей в качестве компенсации расходов, понесенных истицей в ходе разбирательства по делу о клевете. В общей сложности 1 015 000 рублей

(приблизительно 24 360 евро).¹ Районный суд не учел финансовое положение заявителя при вынесении решения, но принял во внимание тот факт, что истица была судьей, что означало, что утверждения о ее ненадлежащем поведении были особо циничными.

9. Заявитель подал апелляцию. 13 декабря 2010 года Ростовский областной суд (далее — «Областной суд») отклонил жалобу заявителя по существу. Однако он отметил следующее:

«... сумма, подлежащая взысканию [с ответчика], должна быть пропорциональна причиненному ущербу и не должна ущемлять свободу информации или накладывать чрезмерное бремя на средства массовой информации. Таким образом, на основании статьи 361 Гражданского процессуального кодекса апелляционный суд считает необходимым снизить размер компенсации морального вреда, [который должен быть выплачен] каждым ответчиком, с 500 000 до 100 000 рублей».

Суммы, присужденные в качестве компенсации расходов, подлежащие уплате каждым ответчиком, остались без изменений. В результате заявитель, единственный собственник ИПЦ, был обязан уплатить 215 000 рублей (107 500 рублей от своего имени и 107 500 рублей от имени ИПЦ; приблизительно 5 250 евро). В период рассматриваемых событий минимальная месячная заработная плата в соответствии с национальным законодательством составляла 4 330 рублей (приблизительно 105 евро).

10. Материалы дела, имеющиеся в распоряжении Суда, не содержат информации, свидетельствующей о том, что решение в пользу М. было фактически исполнено.

II. ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ О КЛЕВЕТЕ, ИНИЦИИРОВАННОЕ ОТ ИМЕНИ А.

11. 11 июля 2008 года судья Л. районного суда г. Ростова-на-Дону А. ушла в отставку с должности. Примерно в это же время следственные органы начали доследственную проверку по фактам взяточничества, предположительно совершенного А.

12. 31 июля 2008 года газета опубликовала статью заявителя под названием «Судейская таблица умножения», в частности, об отставке А. Статья гласит, насколько это относится к делу, следующее:

«Зампред Л. районного суда А. попала на получении взятки. Почти год блюстительницу закона не могли отстранить от занимаемой должности. И буквально на днях нам стало известно, что А. лишили полномочий, и что уголовное дело против нее все-таки будет возбуждено».

13. В сентябре 2008 года газета и журнал *ProRostov* опубликовали статью заявителя под названием «А сука здесь причем?», которая содержала следующий отрывок:

«Опыт бывшей судьи Л. районного суда А. (она уличена во взяточничестве) давно прижился в судебных рядах ...»

14. 16 сентября 2008 года А. подала иск о клевете против, среди прочих лиц, заявителя и ИПЦ, утверждая, что две вышеупомянутые статьи были клеветническими.

15. 6 ноября 2008 года районный суд частично удовлетворил исковые требования А., постановил отозвать оспариваемые заявления и присудил компенсацию морального вреда.

16. Однако после того, как заявитель подал апелляцию, А. отозвала свой иск. 29 декабря 2008 года областной суд принял ее отказ от дальнейшего рассмотрения иска, отменил решение от 6 ноября 2008 года и прекратил производство по делу.

17. 30 ноября 2009 года было принято решение не возбуждать уголовное дело против А. в связи с предполагаемым взяточничеством и подделкой официальных документов.

¹ Здесь и далее сумма, присуждаемая внутригосударственными судами в рублях, конвертируется в евро с использованием обменного курса, действовавшего на дату вынесения решения.

18. 10 июня 2010 года газета опубликовала еще одну статью заявителя под названием «Наследники судебной власти», которая, в части, относящейся к делу, гласила:

«Об этом факте мы писали в статьях, когда выводили на чистую воду бывшего заместителя Л. райсуда взяточницу А.».

19. 21 июня 2010 года А. подала иск о клевете против заявителя и ИПЦ в отношении статьи от 10 июня 2010 года.

20. 13 июля 2010 года А. умерла.

21. 13 сентября 2010 года районный суд прекратил производство по иску А. о клевете ввиду того, что истица умерла. Он обосновал это тем, что ее наследники не могли продолжать производство по делу о клевете вместо А., поскольку право на репутацию не подлежало передаче.

22. 9 ноября 2010 года иск о клевете в отношении трех статей, касающихся А., был подан от имени ее несовершеннолетнего сына А., родившегося в 1995 году. В качестве ответчиков были указаны заявитель, ИПЦ и издательский дом «Глас». А. утверждал, что его покойная мать сильно пострадала из-за трех статей, которые причинили глубокие страдания и ему.

23. Районный суд принял исковое заявление и начал производство по делу. Первоначально слушания были назначены на 14 декабря 2010 года. Впоследствии срок был дважды перенесен – на 27 января и 28 февраля 2011 года. Заявитель сообщил суду, что не смог присутствовать на слушании 28 февраля 2011 года из-за командировки, и подал ходатайство об отложении.

24. 28 февраля 2011 года районный суд, отклонив ходатайство заявителя об отсрочке как необоснованное, рассмотрел дело в его отсутствие. Он вынес решение в пользу истца. Кратко коснувшись вопроса о том, имел ли А. право подавать иск о клевете от своего имени после смерти своей матери, районный суд подчеркнул, что, хотя постановление от 29 декабря 2008 года оставалось *решенным делом*, А. имел право защищать свое право на репутацию и достоинство, поскольку «распространение неправдивой клеветнической информации, касающейся умершего человека, также в определенной степени порочит сына [А.]». Кроме того, районный суд утверждал, не приводя обоснования этого, что оспариваемые заявления в трех статьях представляли собой факты, а не оценочные суждения, и что заявитель не представил доказательств их правдивости. Суд не ссылаясь на тот факт, что заявитель был журналистом, или на контекст, в котором были опубликованы статьи, но подчеркивал, что оспариваемые заявления предполагали, что А. совершила противоправные действия. Районный суд постановил отозвать обвинения и распорядился, чтобы заявитель и ИПЦ выплатили А. 500 000 рублей (приблизительно 12 500 евро), то есть в общей сложности 1 000 000 рублей (приблизительно 25 000 евро); он также распорядился, чтобы издательство выплатило А. 250 000 рублей (приблизительно 6 250 евро). Районный суд не объяснил, какой метод он использовал для расчета компенсации. Он отметил, что рассмотрел «финансовое положение каждого ответчика», но не представил описания этого финансового положения. Он также сослался на то, что А. стал свидетелем психологических страданий его матери после публикации оспариваемых статей и негативного внимания со стороны одноклассников и их родителей, которое эта статья должна была привлечь к нему, как к ученику в его школе.

25. После обжалования ответчиками 5 мая 2011 года областной суд в полном объеме оставил решение без изменения. Что касается присужденной суммы, он воспроизвел обоснование районного суда слово в слово.

26. Материалы дела, находящиеся в распоряжении Суда, не содержали информации о том, было ли решение в пользу А.А. действительно исполнено.

СООТВЕТСТВУЮЩАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРАКТИКА

27. Соответствующее национальное законодательство и судебную практику, касающиеся производства по делу о клевете, см. в постановлении Европейского Суда от 13 июня 2017 года по делу «Чельцова против России» (*Cheltsova v. Russia*), жалоба № 44294/06, пункты 32-34.

28. В соответствии со статьей 133 Трудового кодекса от 2001 года уровень минимальной месячной заработной платы устанавливается федеральным законом одновременно для всей территории Российской Федерации и не может быть ниже месячного прожиточного минимума.

29. На момент двух описанных выше производств по делу о клевете минимальная месячная заработная плата в Российской Федерации, установленная Федеральным законом от 19 июня 2000 года N 82-ФЗ с изменениями от 24 июля 2009 года (Закон о минимальной месячной заработной плате), составляла 4 330 рублей (приблизительно 105 евро).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

30. Заявитель жаловался на то, что два производства по делу о клевете в его отношении, в ходе которых были вынесены решения от 13 декабря 2010 года и от 5 мая 2011 года, представляли собой непропорциональное вмешательство в его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, которая в соответствующей части гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и обязательства, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

A. Доводы сторон

1. Доводы Властей

31. Власти опротестовали данный довод.

32. Признавая, что производство по делу о клевете против заявителя представляло собой вмешательство в его право на свободу выражения мнения, Власти утверждали, что это вмешательство было «предусмотрено законом», а именно статьей 152 Гражданского кодекса, и преследовало законную цель защиты репутации двух судей.

33. Власти утверждали, что судьи заслуживают высокой степени защиты их репутации, в то время как пресса не должна выходить за определенные границы. Заявитель, однако, использовал свое положение журналиста для распространения «правового нигилизма» и нанесения «непоправимого ущерба» основам судебной власти. Он утверждал, что М. и А. совершили преступления, работая в качестве судей, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств относительно истинности этих предположений.

34. При рассмотрении исков М. и А. внутригосударственные суды приняли во внимание способ, которым информация, касающаяся заявителей, была представлена в статьях, и пришли к выводу, что оспариваемые заявления

представляли собой утверждения о фактах, а не оценочные суждения. Они также пришли к выводу, что заявитель не доказал, что распространенная информация была правдивой.

35. Внутригосударственные суды провели различие между утверждениями о фактах и оценочными суждениями и пришли к выводу, что оспариваемые заявления не имели каких-либо фактических оснований.

36. Ссылаясь на «особую роль судебной власти в обществе», Власти утверждали, что прецедентная практика Суда поддерживает высшую степень защиты репутации судей. Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было основано на существенных и достаточных основаниях и преследовало насущную социальную потребность, поскольку «надуманные и оскорбительные обвинения заявителя против судебной системы Ростовской области в целом и отдельных судей [в частности] ... подрывали авторитет судебной власти и серьезно снизили престиж судейской профессии». Они пришли к выводу, что вмешательство было соразмерно преследуемой цели.

37. Кроме того, Власти утверждали, что задачей Суда не было выступать в качестве апелляционного суда «четвертой инстанции», ставя под сомнение результаты внутригосударственного судопроизводства.

38. Власти также отметили, что суммы, присужденные внутригосударственными судами, не были чрезмерными. Они представили список из двенадцати судебных разбирательств по делу о клевете в отношении заявителя, имевших место в Ростовской области в 2008-2013 годах, в отношении одиннадцати из которых заявитель проиграл, и ему было предписано выплатить истцам суммы в размере от 50 000 до 300 000 рублей. Власти представили этот список, чтобы продемонстрировать, что заявитель «привык» быть ответчиком по делам о клевете и, следовательно, должен был иметь «законные ожидания в отношении воздействия распространения информации, дискредитирующей честь, достоинство и деловую репутацию [лица]». Суммы, подлежащие присуждению, были определены профессиональными судьями, а не членами суда присяжных. Власти сослались на четыре примера из практики внутригосударственных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в которых присужденные суммы варьировались от 100 000 до 500 000 рублей. Более того, областной суд в апелляционном порядке уменьшил размер присужденной компенсации в ходе разбирательства, инициированного М.

2. Доводы Заявителя

39. Заявитель настаивал на своей жалобе. Признавая, что вмешательство в его право на свободу выражения мнения было предусмотрено законом и преследовало законную цель защиты репутации третьих лиц, он настаивал на том, что оно не было «необходимым в демократическом обществе».

40. Заявитель подчеркнул, что в период рассматриваемых событий, в качестве журналиста, занимающегося независимыми расследованиями, он в интересах прозрачности опубликовал несколько статей, критикующих некоторых судей Ростовской области, с целью раскрытия злоупотреблений и превышения полномочий со стороны судебных органов. Однако он никогда не использовал оскорбительные или вульгарные выражения и не пытался «подорвать престиж» судебных органов. Оспариваемые статьи, касающиеся М. и А., должны были рассматриваться в более широком контексте усилий заявителя по выявлению коррупции в судах. Заявитель являлся ответчиком в серии судебных разбирательств по делу о клевете, которые привели к значительным компенсациям в отношении морального вреда, что, по его мнению, могло помешать вкладу прессы в обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес.

41. Оспариваемые заявления относительно М. и А. представляли собой

оценочные суждения со стороны заявителя, и они имели достаточные фактические основания. Что касается М., заявитель ссылался на копию запроса М. о предоставлении исключительного использования части площади общего пользования в вышеупомянутом многоквартирном доме, копию отчета пожарной инспекции о состоянии здания и другие документы. Что касается А., в отношении которой была начата доследственная проверка в отношении подозрения во взяточничестве, заявитель ссылался на выводы дисциплинарной судебной комиссии и предварительное согласие Верховного Суда России в отношении ее отстранения от должности. Тем не менее, внутригосударственные суды не провели различия между фактическими утверждениями и оценочными суждениями и отказались принять какие-либо меры для оценки наличия достаточных фактических оснований оспариваемых заявлений. Установив, что в отсутствие осуждения по уголовному делу не было фактических оснований для утверждений заявителя в отношении М. и А., они приняли необоснованно высокий стандарт доказывания. Заявитель пришел к выводу, что внутригосударственные суды не привели соответствующих и достаточных оснований, способных оправдать данное вмешательство.

42. Суммы, присужденные М. и А., были восприняты заявителем как значительные: он рассматривал их как наказание, нацеленное на то, чтобы заставить его замолчать, и это оказало на него сдерживающее воздействие. Внутригосударственные суды не приняли во внимание финансовое положение заявителя и не рассмотрели размер ущерба, понесенного заявителями, или соразмерность присужденных сумм ущербу, понесенному заявителями. Согласно российскому законодательству, при определении суммы, подлежащей присуждению в гражданском судопроизводстве, судьи руководствуются только своими внутренними убеждениями, и в решениях не содержалось ссылок на метод расчета или элементы, которые необходимо учитывать. По мнению заявителя, это объясняет практику внутригосударственных судов, которая состоит в присуждении в ходе разбирательств о клевете непропорционально больших сумм политикам и государственным служащим, что, по его мнению, является средством, используемым теми, кто находится у власти, чтобы заставить замолчать своих противников.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

43. Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по определению статьи 35 Конвенции и не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

44. Суд отмечает с самого начала, что следующие элементы не оспариваются сторонами: что решения районного суда от 4 октября 2010 года и 28 февраля 2011 года, оставленные без изменения областным судом 13 декабря 2010 года и 5 мая 2011 года, соответственно (см. пункты 8, 24, 9 и 25 выше), представляли собой вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения, гарантированную пунктом 1 статьи 10 Конвенции; что данное вмешательство было «предусмотрено законом», в частности, статьей 152 Гражданского кодекса; и что оно «преследовало законную цель», то есть «защиту репутации или прав других лиц», по смыслу пункта 2 статьи 10 Конвенции. Следовательно, остается рассмотреть вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе». В связи с этим Суд должен определить, являлось ли вмешательство пропорциональным преследуемой законной цели, и были ли приведенные внутригосударственными судами основания достаточными

и существенными (см. постановление Большой Палаты по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*), жалоба № 29369/10, пункт 144, ECHR 2015). Суд также отмечает, что вмешательство должно рассматриваться в контексте важной роли свободной прессы в обеспечении надлежащего функционирования демократического общества (см., среди многих других прецедентов, постановление Европейского Суда от 5 марта 2019 года по делу «Скудаева против России» (*Skudayeva v. Russia*), жалоба № 24014/07, пункт 30).

45. Общие принципы оценки необходимости вмешательства в осуществление свободы выражения мнения обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Беда против Швейцарии» (*Bédât v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 48, ECHR 2016, среди многих других прецедентов. Общие принципы по статье 10 и свободе прессы обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «“Сатакуннан Марккинапорсси” Ой и “Сатамедиа” Ой против Финляндии» (*Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункты 124-28. Установленные в прецедентной практике Суда стандарты, которым должно соответствовать вмешательство в осуществление свободы прессы, чтобы удовлетворить требование о необходимости, приводимое в пункте 2 статьи 10 Конвенции, были недавно обобщены в постановлении по делу «Скудаева против России» (упоминавшееся выше, пункты 33-34). Общие принципы, касающиеся предела свободы усмотрения и баланса права на свободу выражения мнения с правом на уважение частной жизни, изложенные в прецедентной практике Суда, были обобщены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 7 февраля 2012 года по делу «“Аксель Шпрингер АГ” против Германии» (*Axel Springer AG v. Germany*), жалоба № 39954/08, пункты 85-95); постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудерк и Ашетт Филипаки Асосье против Франции» (*Couderc and Hachette Filipacchi Associés v. France*), жалоба № 40454/07, пункты 90-93, ECHR 2015 (выдержки)); и в постановлении Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Меджлис Исламске Заеднице Брчко и другие против Боснии и Герцеговины» (*Medžlis Islamske Zajednice Brčko and Others v. Bosnia and Herzegovina*), жалоба № 17224/11, пункт 77).

46. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что общим элементом в двух рассматриваемых разбирательствах по делу о клевете является то, что они вытекают из вышеупомянутых статей в газете, в которых критиковались судьи. Суд повторяет, что вопросы, касающиеся функционирования системы правосудия, института, который является существенным для любого демократического общества, входят в общественные интересы. В связи с этим необходимо учитывать особую роль судебной системы в обществе. В качестве гаранта правосудия, являющегося фундаментальной ценностью Государства, которое руководствуется верховенством права, она должна пользоваться доверием общественности, если стремится к успешному выполнению своих обязанностей. Следовательно, может возникнуть необходимость защитить это доверие от серьезных нападков, особенно ввиду того обстоятельства, что судьи, которые подверглись критике, обязаны проявлять сдержанность, не позволяющую им отвечать на критику (см. с дальнейшими ссылками, упоминавшееся выше постановление по делу «Морис против Франции», пункт 128). Тем не менее (за исключением случаев нанесения серьезного ущерба вследствие нападков, которые по сути являются необоснованными), принимая во внимание тот факт, что судьи являются частью основополагающего института Государства, они могут как таковые подвергаться личной критике в допустимых пределах, и не только теоретическим, но и общим образом. Действуя в своем официальном качестве, они, таким образом, могут подвергаться приемлемой критике в более широких рамках, чем обычные граждане (там же, пункт 131).

47. Суд уже устанавливал нарушение статьи 10 Конвенции в ряде дел против России, поскольку внутригосударственные суды не применяли стандарты,

соответствующие установленным прецедентной практикой Суда стандартам, касающимся свободы прессы (см. постановление Европейского Суда от 22 января 2013 года по делу «ООО “Ивпресс” и другие против России» (*OOO Ivpress and Others v. Russia*), жалобы №№ 33501/04 и 3 других жалобы, пункт 79; постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Куницына против России» (*Kunitsyna v. Russia*), жалоба № 9406/05, пункты 46-48; постановление Европейского Суда от 26 января 2017 года по делу «Терентьев против России» (*Terentyev v. Russia*), жалоба № 25147/09, пункты 22-24; постановление Европейского Суда от 25 апреля 2017 года по делу «ООО Издательский Центр “Квартирный Ряд” против России» (*OOO Izdatelskiy Tsentri Kvaritirnyy Ryad v. Russia*), жалоба № 39748/05, пункт 46; упоминавшееся выше постановление по делу «Чельцова против России», пункт 100; упоминавшееся выше постановление по делу «Скудаева против России», пункты 36-39; и постановление Европейского Суда от 2 июля 2019 года по делу «“Новая Газета” и Милашина против России» (*Novaya Gazeta and Milashina v. Russia*), жалоба № 4097/06, пункты 66-73).

48. Суд отмечает, с самого начала, поразительное сходство в подходах районного и областного судов к двум различным судебным разбирательствам по иску о клевете, поданным против заявителя. В обоих разбирательствах районный и областной суд ограничились (i) установлением того факта, что были распространены заявления, которые, как они расценивают, запятнали честь, достоинство и деловую репутацию двух судей, и (ii) замечанием о том, что ответчики не доказали правдивость заявлений; затем суды присудили очень значительные суммы в качестве компенсации морального вреда.

49. Суд отмечает, что в обоих судебных разбирательствах по делу о клевете внутригосударственные суды не учли некоторые существенные элементы. Начнем с того, что они не пытались придать равный вес соответствующим позициям сторон разбирательства. Напротив, они придавали больший вес предположительно повышенной уязвимости М. и А. как судей и А. как сына судьи, игнорируя тот факт, что заявитель был журналистом. Суд повторяет свою давно установившуюся точку зрения относительно особой — действительно, ключевой — роли, которую судебные органы играют в демократическом обществе, и подчеркивает, что такая роль не может эффективно выполняться без определенной меры терпимости в отношении журналистской критики. Защита судьи от каждого критического замечания со стороны прессы - независимо от его обоснованности, уместности или выбора формулировки - вряд ли может рассматриваться как мера, способствующая верховенству закона. Кроме того, районный и областной суды не учли следующее: наличие или отсутствие добросовестности со стороны заявителей (в частности, с учетом документальных и свидетельских показаний, представленных в ходе разбирательства по делу о клевете, инициированного М.); цель, которую заявители преследовали при публикации статьи; наличие в оспариваемой статье вопроса, представляющего общественный интерес, или предмета общей обеспокоенности; и актуальность информации о предполагаемых коррупционных действиях судей. Не проведя анализ этих элементов, национальные суды не обратили внимания на важную функцию, которую пресса выполняет в демократическом обществе (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скудаева против России», пункт 36).

50. Повторяя, что необходимо проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями, учитывая, что наличие фактов может быть продемонстрировано, тогда как истинность оценочных суждений не подлежит доказыванию (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» (*Cumpăna and Mazăre v. Romania*), жалоба № 33348/96, пункт 98, ECHR 2004-XI, и постановление Европейского Суда от 8 октября 2019 года по делу «Маргулев против России» (*Margulev v. Russia*), жалоба № 15449/09, пункт 48), Суд отмечает, что районный суд провел такое

различие в своем решении от 4 октября 2010 года в отношении одного из оспариваемых заявлений. Однако внутригосударственные суды не рассмотрели тщательно доводы заявителя относительно остальных заявлений, которые, по его утверждению, выражали его личное, субъективное мнение, не подлежащее доказыванию (см. пункты 8, 9, 24 и 25 выше). Соответственно, Суд не может не отметить, что внутригосударственные суды не применили в строгом смысле один из ключевых стандартов, установленных в его практике в отношении права на свободу выражения мнения.

51. Что касается необходимости обеспечения баланса между правом судей (или их наследников) на защиту репутации и журналистской свободой выражения мнения, Суд отмечает, что внутригосударственные суды просто заявили, что оспариваемые заявления запятнали честь, достоинство и деловую репутацию, не приведя никаких оснований в подтверждение этого вывода. Районный и областной суды не сочли необходимым рассмотреть вопрос о том, можно ли рассматривать оспариваемые заявления как фактические попреки, способные нанести ущерб чести или деловой репутации истцов, не говоря уже об их достоинстве. Как представляется, их аргументация основана на молчаливом предположении о том, что при любых обстоятельствах интересы, связанные с защитой чести и достоинства других лиц (в частности лиц, наделенных государственной властью), преобладают над свободой выражения мнения. Не сопоставив два конкурирующих интереса друг с другом, внутригосударственные суды не смогли обеспечить необходимый баланс (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скудаева против России», пункт 38).

52. Кроме того, Суд указывает, что заявитель особо жаловался на непропорционально большие суммы, присужденные истцам (см. пункт 42 выше). В соответствии с последовательной прецедентной практикой Суда, касающейся исков о клевете против журналистов, характер и серьезность наложенных наказаний являются факторами, которые необходимо учитывать при оценке пропорциональности вмешательства. Кроме того, Суд должен убедиться, что наказание не является формой цензуры, направленной на то, чтобы отговорить прессу от выражения критики. В контексте обсуждения темы, представляющей общественный интерес, такая санкция, скорее всего, удержит журналистов от участия в публичном обсуждении вопросов, влияющих на жизнь общества. Аналогичным образом, она может помешать прессе выполнять свою задачу как распространителя информации и «сторожевого пса» общества (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Беда против Швейцарии», пункт 79). Соответственно, Суд считает целесообразным в обстоятельствах настоящего дела оценить, применяли ли внутригосударственные суды стандарты, установленные в его прецедентной практике в отношении соразмерности решения по делу о клевете в отношении представителя прессы, при определении сумм, присужденных М. и А. Для этого он начнет с обзора своей практики.

53. Несмотря на то, что Суд последовательно придерживался мнения о том, что присуждение убытков в связи с клеветой должно иметь разумное отношение соразмерности ущербу, нанесенному репутации (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 13 июля 1995 года по делу «Толстой-Милославский против Соединенного Королевства» (*Tolstoy Miloslavsky v. the United Kingdom*), пункт 49, Серия А № 316-В, и постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» (*Steel and Morris v. the United Kingdom*), жалоба № 68416/01, пункт 96, ECHR 2005-II), он не установил заранее определенную формулу, чтобы решить, было ли выполнено это требование. В некоторых делах Суд считал, что сумма была настолько высокой в абсолютном выражении или по сравнению с решениями по другим делам о клевете, что это повлекло за собой усиленное изучение ее соразмерности (см.

упоминавшееся выше постановление по делу «Толстой-Милославский против Соединенного Королевства», пункт 49, в конце; постановление Европейского Суда от 22 февраля 2005 года по делу «Пакдемирли против Турции» (*Pakdemirli v. Turkey*, жалоба № 35839/97, пункт 59; постановление Европейского Суда от 5 июня 2008 года по делу «И Авги Паблишинг энд Пресс Эйдженси СА и Карис против Греции» (*I Avgi Publishing and Press Agency S.A. and Karis v. Greece*), жалоба № 15909/06, пункт 35; постановление Европейского Суда от 7 декабря 2010 года по делу «Публико-Комуникасао Социаль СА и другие против Португалии» (*Público-Comunicação Social, S.A. and Others v. Portugal*), жалоба № 39324/07, пункт 55; постановление Европейского Суда от 29 марта 2011 года по делу «Гувейя Гомеш Фернандеш и Фрейташ э Кошта против Португалии» (*Gouveia Gomes Fernandes and Freitas e Costa v. Portugal*), жалоба № 1529/08, пункт 54; постановление Европейского Суда от 17 января 2017 года по делу «Тавареш де Алмейда Фернандеш и Алмейда Фернандеш против Португалии» (*Tavares de Almeida Fernandes and Almeida Fernandes v. Portugal*, жалоба № 31566/13, пункт 77; и постановление Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Гюлфер Предеску против Румынии» (*Ghiulfer Predescu v. Romania*), жалоба № 29751/09, пункт 60). В других делах Суд использовал ориентировочную сумму, чтобы оценить перспективу решения по конкретному делу о клевете, например: ежемесячный доход заявителя (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства», пункт 96; постановление Европейского Суда от 22 ноября 2011 года по делу «Копривица против Черногории» (*Koprivica v. Montenegro*), жалоба № 41158/09, пункты 72-73; постановление Европейского Суда от 19 апреля 2011 года по делу «Касабова против Болгарии» (*Kasabova v. Bulgaria*), жалоба № 22385/03, пункт 71; постановление Европейского Суда от 11 февраля 2014 года по делу «Тешич против Сербии» (*Tešić v. Serbia*), жалобы №№ 4678/07 и 50591/12, пункт 65; и упоминавшееся выше постановление по делу «Чельцова против России», пункт 85); минимальная месячная заработная плата (см. постановление Европейского Суда от 19 апреля 2011 года по делу «Божков против Болгарии» (*Bozhkov v. Bulgaria*), жалоба № 3316/04, пункт 55); среднемесячная заработная плата (см. постановление Европейского Суда от 9 января 2007 года по делу «Квиецень против Польши» (*Kwieceń v. Poland*), жалоба № 51744/99, пункт 56, и постановление Европейского Суда от 7 июля 2015 года по делу «Морарь против Румынии» (*Morar v. Romania*), жалоба № 25217/06, пункт 70); средний доход в определенной профессиональной сфере (см. постановление Европейского Суда от 23 июня 2009 года по делу «Соргуч против Турции» (*Sorguç v. Turkey*), жалоба № 17089/03, пункт 37); или суммы, присужденные внутригосударственными судами в других видах разбирательств (см. постановление Европейского Суда от 8 ноября 2018 года по делу «“Народни Лист Д.Д.” против Хорватии» (*Narodni List D.D. v. Croatia*), жалоба № 2782/12, пункт 70).

54. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что ни одна из сторон не сообщила ему о ежемесячном доходе заявителя и ресурсах, доступных ему в целом на момент рассматриваемых событий. Как бы то ни было, Суд считает целесообразным, чтобы рассмотреть присужденную М. и А. сумму в перспективе, использовать в качестве ориентировочной суммы минимальный размер оплаты труда («МРОТ»), установленный и регулярно пересматриваемый Федеральным Собранием России. Минимальный размер оплаты труда, применяемый в даты вынесения рассматриваемых решений внутригосударственных судов, составлял 4 330 рублей (см. пункт 29 выше). Отсюда следует, что в деле М. заявитель, как физическое лицо и как единственный собственник ИПЦ, был обязан выплатить истице сумму, в сорок девять раз превышающую сумму минимального размера оплаты труда, а в деле А. - сумму, в 230 раз больше этого размера. Таким образом, Суд считает, что суммы, присужденные заявителям, были очень существенными (см. аналогичное обоснование в упоминавшихся выше постановлениях по делам «Соргуч против Турции», пункт 37, и «Копривица против Черногории», пункт 73).

55. Тем не менее, внутригосударственные суды уделяли на удивление мало

внимания, если вообще уделяли, вопросу пропорциональности присужденной суммы. При присуждении М. суммы 500 000 рублей, которые должны быть выплачены как заявителем, так и ИПЦ (то есть общая сумма 1 000 000 рублей; 230 минимальных размеров оплаты труда), районный суд не только не упомянул о финансовом положении заявителя, он подчеркнул тот факт, что истица была судьей, придавая преимущественный вес позиции истицы (см. пункт 8 выше). Несмотря на то, что областной суд при рассмотрении в апелляционном порядке уменьшил присужденную М. сумму, он не определил, была ли пропорциональной сумма в размере 215 000 рублей, которая должна быть выплачена М. заявителем как физическим лицом и как единственным собственником ИПЦ, учитывая финансовое положение заявителя (см. пункт 9 выше). Что касается компенсации в размере 500 000 рублей, которую должен был выплатить каждый заявитель и ИПЦ А., внутригосударственные суды двух инстанций сосредоточили внимание на том факте, что истец должен был серьезно пострадать из-за нападок на репутацию его покойной матери. Районный суд отметил между делом, что он принял во внимание «финансовое положение каждого ответчика», но не указал каких-либо подробностей относительно этого положения (см. пункт 24 выше). Областной суд просто повторил обоснование суда низшей инстанции (см. пункт 25 выше). Соответственно, Суд считает, что районный и областной суды, принимая решение о компенсации морального вреда, подлежащего выплате заявителем в двух судебных разбирательствах по делу о клевете, не обеспечили разумное соотношение пропорциональности ущербу репутации, понесенной истцами, как того требуют стандарты, установленные прецедентной практикой Суда (см. пункт 53 выше).

56. Суд считает, что причины, приведенные внутригосударственными судами в обоснование двух случаев вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, хотя и имеют отношение к делу, не могут рассматриваться как достаточные. При оценке обстоятельств, представленных для их оценки, внутригосударственные суды не учли должным образом принципы и критерии, изложенные в прецедентной практике Суда, для достижения баланса права на уважение частной жизни и права на свободу выражения мнения (см. пункт 45 выше). Таким образом, они превысили предоставленную им свободу усмотрения и не смогли продемонстрировать, что имеется разумная взаимосвязь пропорциональности между двумя рассматриваемыми случаями вмешательства и преследуемой законной целью (см., с соответствующими изменениями, упоминавшееся выше постановление по делу «Кудерк и Ашетт Филипаки Асосье против Франции», пункт 153; постановление Европейского Суда от 16 марта 2017 года по делу «Олафссон против Исландии» (*Ólafsson v. Iceland*), жалоба № 58493/13, пункт 62; и постановление Европейского Суда от 9 января 2018 года по делу «ГРА Фонд против расизма и антисемитизма против Швейцарии» (*GRA Stiftung gegen Rassismus und Antisemitismus v. Switzerland*), жалоба № 18597/13, пункт 79; см. также упоминавшееся выше постановление по делу «Скудаева против России», пункт 39, и постановление Европейского Суда от 8 октября 2019 года по делу «Надтока против России (№ 2)» (*Nadtoka v. Russia (no. 2)*), жалоба № 29097/08, пункт 50). Таким образом, Суд приходит к выводу, что не было доказано, что вмешательство было «необходимым в демократическом обществе».

57. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении двух разбирательств по иску о клевете против заявителя.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель жаловался на то, что районный суд провел слушание 28 февраля 2011 года в его отсутствие. Кроме того, он жаловался на то,

что внутригосударственные суды неправильно, в нарушение принципа *решенного дела*, приняли к рассмотрению иск, поданный от имени А., имя которого не фигурировало в оспариваемых статьях, несмотря на тот факт, что разбирательство по делу о клевете, инициированное А., в котором оспаривались эти же статьи, было прекращено. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях ... имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...»

59. Принимая во внимание факты дела и установление им нарушения статьи 10 Конвенции в связи с тем, что внутригосударственные суды не применили соответствующие стандарты Конвенции в ходе двух судебных разбирательств по делу о клевете в отношении заявителя (см. пункт 56 выше), и в интересах краткости, Суд считает, что нет необходимости выносить отдельное определение о приемлемости или по существу жалоб заявителя в соответствии с пунктами 1 и 13 статьи 6 Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кымпяну против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpănu v. Romania*), жалоба № 47848/08, пункт 156, ECHR 2014; см. также, в контексте статей 6 и 10 Конвенции, постановление Европейского Суда от 10 октября 2017 года по делу «Фатих Таш против Турции (№ 2)» (*Fatih Taş v. Turkey (№ 2)*), жалоба № 6813/09, пункт 21; постановление Европейского Суда от 7 сентября 2017 года по делу «Лакруа против Франции» (*Lacroix v. France*), жалоба № 41519/12, пункт 53; и постановление Европейского Суда от 21 ноября 2017 года по делу «Редакция газеты “Земляки” против России» (*Redaktsiya Gazety Zemlyaki v. Russia*), жалоба № 16224/05, пункт 52).

III. ПРИМЕНЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

60. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

61. Заявитель потребовал 17 700 евро (то есть суммы, присужденные М. (приблизительно 5 200 евро, см. пункт 9 выше) и А. (приблизительно 12 500 евро, см. пункт 24 выше)) в качестве компенсации материального ущерба. Кроме того, он требовал 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Заявитель также требовал 200 евро за почтовые расходы, понесенные им лично в Суде; это требование не было подтверждено документами. Кроме того, заявитель требовал 3 650 евро в качестве компенсации сборов, уплаченных в Суде его представителем (включая сборы за тридцать часов юридической работы по ставке 120 евро в час и 50 евро в качестве административного сбора), и попросил оплатить эту сумму непосредственно на банковский счет своего представителя. Заявитель представил подробный график относительно времени работы по юридическим вопросам, выполненной его законным представителем, но не представил каких-либо документов, касающихся суммы, требуемой в качестве административных сборов.

62. Власти утверждали, что заявитель не выплатил суммы, присужденные внутригосударственными судами М. и А., и пришли к выводу, что его требование в отношении материального ущерба следует отклонить. Они также утверждали, что не следует присуждать какие-либо суммы в отношении морального вреда ввиду отсутствия нарушения положений Конвенции; в любом случае заявленная сумма была, по их мнению, чрезмерной. Что касается требования о возмещении расходов и издержек, Власти утверждали, что требование в отношении 200 евро не было подтверждено какими-либо доказательствами, а требование в отношении

3 650 евро было основано на соглашении между заявителем и его представителем, которое они считали недействительным.

63. Суд отмечает, что заявитель не представил каких-либо доказательств, подтверждающих, что он частично или полностью выполнил решения от 4 октября 2010 года и 28 февраля 2011 года (которые оставлены без изменения 13 декабря 2010 года и 5 мая 2011 года, соответственно). Тем не менее, Суд отмечает, что судебные решения в отношении заявителя оставались в силе в соответствии с внутригосударственным правом. Соответственно, он присуждает заявителю сумму, требуемую по статье материального ущерба, которая представляет собой сумму, подлежащую уплате в соответствии с внутригосударственными судебными решениями, которые, как установлено выше, нарушают требования Конвенции, а также любой налог, которым может облагаться эта сумма. Он также присуждает заявителю 9 750 евро в качестве компенсации морального вреда. Кроме того, Суд отклоняет требование в отношении почтовых расходов и, учитывая тот факт, что заявителю была предоставлена правовая помощь, считает разумным присудить сумму в 650 евро за разбирательство в Суде, которая должна быть выплачена непосредственно на банковский счет представителя заявителя.

64. Суд считает приемлемым, что процентная ставка по процентам за просрочку платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ, СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобу относительно свободы выражения мнения приемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в связи с двумя производствами по делу о клевете в отношении заявителя;
3. *постановил*, что отсутствует необходимость в рассмотрении вопроса о приемлемости жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и самой жалобы по существу;
4. *постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
 - (i) 17 700 (семнадцать тысяч семьсот) евро, а также любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения материального ущерба;
 - (ii) 9 750 (девять тысяч семьсот пятьдесят) евро, а также любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (iii) 650 (шестьсот пятьдесят) евро, а также любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве возмещения расходов и издержек заявителя, подлежит перечислению непосредственно на банковский счет представителя заявителя;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процентных

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ «ТОЛМАЧЕВ против РОССИИ»

пункта;

5. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление направлено в письменной форме 2 июня 2020 года, руководствуясь пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Милан Блашко
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель